

Как мы избавимся от немцев-колонистов

Когда немцы начинали нынешнюю войну, то у нас понимали ее так: враг видит, что русский народ крепнет с каждым годом, что Россия быстро успела оправиться после японской войны, что она богатеет, и растет ее военная сила. И враг решил не ждать того часа, когда мы сделаемся сильнее его и перестанем звать к себе немецких мастеров, покупать немецкие товары и платить немцам русские деньги. Враг решил сразу ударить по русскому народу так, чтобы снова надолго ослабить и разорить его и надолго заставить его жить не иначе, как при помощи тех же немецких соседей.

Бесплатное приложение к газетам „Сельский Вестник“ на 1916 г.

Какъ мы избавимся отъ нѣмцевъ-колонистовъ.

Когда нѣмцы начинали нынѣшнюю войну, то у насъ понимали ее такъ: врагъ видитъ, что русскій народъ крѣпнетъ съ каждымъ годомъ, что Россія быстро успѣла оправиться послѣ японской войны, что она богатѣетъ, и растетъ ея военная сила. И врагъ рѣшилъ не ждать того часа, когда мы сдѣлаемся сильнѣе его и перестанемъ звать къ себѣ нѣмецкихъ мастеровъ, покупать нѣмецкіе товары и платить нѣмцамъ русскія деньги. Врагъ рѣшилъ сразу ударить по русскому народу такъ, чтобы снова надолго ослабить и разорить его и надолго заставить его жить не иначе, какъ при помощи тѣхъ же нѣмецкихъ сосѣдей.

Такъ думали у насъ въ началѣ войны. Но оказалось на дѣлѣ не то. Оказалось гораздо хуже. Всѣ узнали, что нѣмцы хотѣли не просто ослабить русскую землю, но отхватить себѣ цѣлыя ея части, а остальныя заставить платить имъ дань, которая будетъ называться военной контрибуціей. Узнали и то, что не спроста объявили намъ войну Германия и Австрія. Онѣ обѣ давно готовились къ этой войнѣ, и при томъ самымъ сквернымъ и нечестнымъ образомъ. Пускай бы онѣ только увеличивали свои военныя вооруженія, готовили пушки и снаряды. Нѣтъ, онѣ забрались еще и въ самую глубину русскаго государства, онѣ приготавливали свой набѣгъ, раскидывая по военнымъ путямъ цѣлыя колоніи своихъ соплеменниковъ. Онѣ пользовались тѣмъ, что русское правительство всюду довѣрчиво принимало нѣмецкихъ колонистовъ и не видѣло большой бѣды отъ того, что эти колонисты стануть обрабатывать русскую землю. Но вѣдь какъ же было иначе относиться къ колонистамъ, если многіе изъ нихъ даже сами не подозрѣвали, что нѣмецкое правительство тайно предназначило ихъ себѣ въ помощь при будущемъ нашествіи нѣмцевъ на русское государство?

Еще до войны, во время мира, многимъ странно казалось, почему это нѣмецкіе колонисты живутъ всегда такъ отдѣльно отъ русскаго крестьянина, почему у нихъ все свое;

больницы, пріюты, школы. Было странно, почему нѣмцы почти не умѣютъ говорить по-русски, а когда и умѣютъ, то стараются все-таки не говорить на русскомъ языкѣ, но добиваться того, чтобы ихъ всюду понимали по-нѣмецки. Всѣ тѣ, кому приходилось близко видѣть колонистовъ, знали также, что они почти всегда смотрятъ на русскихъ, какъ бы сверху внизъ и считаютъ себя много выше, образованнѣе и умнѣе русскаго крестьянина. Очень рѣдко бывало, чтобы нѣмецкій колонистъ женился на русской, или чтобы нѣмка выходила замужъ за русскаго мужика. Колонисты пытались не уравнивать себя съ русскими, но, наоборотъ, взобратъся надъ ними какъ можно выше и верховодить ими.

Говорятъ, когда началась нынѣшняя война и пошли бои въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, которыя заняты нѣмецкими колоніями, то среди колонистовъ было много случаевъ предательства въ пользу нашего врага. Конечно, предатели были тотчасъ же наказаны по закону военного времени, но этимъ дѣло не кончилось, и военное начальство, чтобы оградить наши войска отъ будущихъ предательствъ, распорядилось заранѣе убрать нѣмецкихъ колонистовъ отовсюду, гдѣ будутъ ожидать военныя дѣйствія, и выселять ихъ въ губерніи отдаленныя отъ войны.

Эта мѣра заставила взяться также и вообще за нѣмецкія колоніи, даже тамъ, гдѣ не было боевъ и не проходили наши войска. Хотя, конечно, далеко не всѣ колонисты могли оказаться предателями и не всѣ они могли бы при случаѣ быть такъ же вредны, какъ ихъ уличенные сородичи на нашей окраинѣ подвергшейся непріятельскому нашествію, тѣмъ не менѣе всѣ видѣли, что и эти колонисты прежде всего нѣмцы, и чувства ихъ — также нѣмецкія, а не русскія чувства. Поэтому отъ нихъ и ждать нельзя, чтобы они были всѣмъ сердцемъ на нашей сторонѣ и чтобы душа ихъ искренно желала полнаго пораженія германской арміи.

Так думали у нас в начале войны. Но оказалось на деле не то. Оказалось гораздо хуже. Все узнали, что немцы хотели не просто ослабить русскую землю, но отхватить себе целые ее части, а остальные заставить платить им дань, которая будет называться военной контрибуцией. Узнали и то, что не спроста объявили нам войну Германия и Австрия. Они обе давно готовились к этой войне, и при том самым скверным и нечестным образом. Пускай бы они только увеличивали свои военные вооружения, готовили пушки и снаряды. Нет, они забрались еще и в самую глубину русского государства, они приготавливали свой набег, раскидывая по военным путям целые колонии своих соплеменников. Они пользовались тем, что русское правительство всюду доверчиво принимало немецких колонистов и не видело большой беды от того, что эти колонисты станут обрабатывать русскую землю. Но ведь как же было иначе относиться к колонистам, если многие из них даже сами не подозревали, что немецкое правительство тайно предназначило их себе в помощь при будущем нашествии немцев на русское государство?

Еще до войны, во время мира, многим странно казалось, почему это немецкие колонисты живут всегда так отдельно от русского крестьянина, почему у них все свое: больницы, приюты, школы. Было странно, почему немцы почти не умеют говорить по-русски, а когда и умеют, то стараются все-таки не говорить на русском языке, но добиваться того, чтобы их всюду понимали по-немецки. Все те, кому приходилось близко видеть колонистов, знали также, что они почти всегда смотрят на русских, как бы сверху вниз и считают себя много выше, образованнее и умнее русского крестьянина. Очень редко бывало, чтобы немецкий колонист женился на русской, или чтобы немка выходила замуж за русского мужика. Колонисты пытались не уравнивать себя с русскими, но, наоборот, взобраться над ними как можно выше и верховодить ими.

Говорят, когда началась нынешняя война и пошли бои в тех местах России, которые заняты немецкими колониями, то среди колонистов было много случаев предательства в пользу нашего врага. Конечно, предатели были тотчас же наказаны по закону военного времени, но этим дело не кончилось, и военное начальство, чтобы оградить наши войска от будущих предательств, распорядилось заранее убрать немецких колонистов отовсюду, где будут ожидать военные действия, и выселять их в губернии отдаленные от войны.

Эта мера заставила взяться также и вообще за немецкие колонии, даже там, где не было боев и не проходили наши войска. Хотя, конечно, далеко не все колонисты могли оказаться предателями и не все они могли бы при случае быть так же вредны, как их уличенные сородичи на нашей окраине подвергшейся неприятельскому нашествию, тем не менее все видели, что и эти колонисты прежде всего немцы, и чувства их — также немецкие, а не русские чувства. Поэтому от них и ждать нельзя, чтобы они были всем сердцем на нашей стороне и чтобы душа их искренно желала полного поражения германской армии.

Наконец, во время войны узнали об них еще одну важную вещь. Дело в том, что германское государство, откуда они выселились в Россию, или выселились их отцы и деды, завело у себя так называемый закон о двойном подданстве и считает, что каждый немец всегда остается подданным германского императора, хотя бы по бумагам принял подданство Русского Царя и присягнул ему на верность. Таким образом выходит, что и наши немцы-колонисты, которых мы считали русскими подданными и которые пользуются у нас всеми правами русских граждан, на самом деле считаются в Германии, а, может быть, и сами себя считают, подданными Вильгельма, и при случае будут исполнять все то, что им прикажут германские генералы и начальники.

А между тем эти двоеподданные колонисты засели на лучших землях нашего отечества. В те далекие годы, когда некоторые части его были еще неустроенными, и русское правительство старалось заселить их кем бы то ни было, немецким

пришельцам отводились громадные черноземные надельные участки, которые они потом еще расширили и приумножили. Так, в Волынской губернии у немцев теперь в руках около полутора тысяч десятин пахотной земли; в Бессарабской — почти триста тысяч десятин. В Крыму — около семисот тысяч. В Херсонской губернии — чуть не миллион. О том, сколько их в других местах, как, например, в Екатеринославской губернии или в казачьих землях войска Донского, где им уже никто надельных участков не отводил и куда они забрались сами собою, мы еще даже и не знаем, так как подсчета их владений там пока не было.

Всем стало ясно, что так оставить нельзя. Положим, на время войны начальство выселило немцев из тех мест, где идут боевые действия. Но ведь эти выселенные немцы все-таки остались владельцами своих земельных участков и рано или поздно опять вернуться к ним на правах хозяев. И опять будут у нас сидеть на важных военных путях и пользоваться лучшими угодьями люди, о которых мы даже не знаем, точно ли они наши, русские подданные, и не состоять ли они одновременно, по настоящему, в подданстве враждебного нам государства.

Для того, чтобы не случилось впредь ничего подобного, правительство и решило заставить немецких колонистов продать принадлежащие им земли, как надельные, так и те, которые они приобрели за собственные средства.

Очевидно, в один или несколько дней такого выкупа произвести нельзя. Для этого, во-первых, нужно время, а во-вторых нужно быть также справедливым и не обидеть такого колониста, который, не в пример прочим, и в самом деле может оказаться настоящим русским подданным, сражаться по собственной охоте с нашими врагами, а, может быть, и положить свою жизнь за наше отечество.

Вот как будет это происходить по законам, которые изданы у нас во время нынешней войны. Один из них появился 2 февраля, а другой — 13 декабря 1915 года.

Прежде всего, решено очистить от немецких колонистов все пространство, которое лежит вдоль нашей государственной, границы с Германией, Австрией и Турцией, а также у берегов Балтийского, Черного и Азовского морей. Таким образом, от колонистов очищается: Финляндия, все Царство Польское, Прибалтийский край, весь Кавказ и губернии: Петроградская, Новгородская, Витебская, Псковская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Холмская, Киевская, Волынская, Подольская, Бессарабская, Херсонская, Таврическая (Крым), Екатеринославская и Область Войска Донского. Кроме того, в законе указано, что если бы в дополнение к приведенному перечню было признано нужным очистить от немцев еще какие-либо другие, новые местности, то это может быть сделано в особом, упрощенном порядке. Такое указание очень важно, так как в приведенный выше перечень не вошли еще некоторые русские губернии, занятые немецкими колонистами не хуже Таврической или Херсонской. Таковы, например, губернии Саратовская и Самарская. Закон не предписал очистить их теперь же от немцев потому, что они, во-первых, слишком уже удалены от войны, и никакие немецкие армии к ним, даст Бог, никогда не приблизятся, а, во-вторых, и без этих губерний хлопот с немцами довольно. Всего сразу сделать нельзя. Двести лет мы звали сперва к себе колонистов и давали им надельные участки, а потом благосклонно смотрели, как они на нашей земле богатели и множили свои колонии. Такой двухсотлетней ошибки за два года целиком не исправишь.

Так вот, во всех тех областях, и губерниях, которые вошли в перечень, приведенный законом, предписано немедленно по его издании составить всем колонистским землям особые списки и выставить их на видном месте во всеобщее обозрение. Так как закон издавался два раза, то и списки пришлось составлять тоже дважды. В первый раз, когда они составлялись в апреле и мае месяцах 1915 года, в них не вошли еще надельные земли колонистов, потому что тогда еще закон предписывал оставить эти земли за их владельцами. Но во второй раз, после

издания закона 13 декабря 1915 года, в списках должны быть помещены уже все немецкие земли — надельные как и ненадельные.

Исключения и льготы допущены только для следующих лиц.

Во-первых, для перешедших в русское подданство из германского или австрийского славян: чехов, поляков, словаков и так далее. Все это не немцы и в двоеподданстве их подозревать не следует. Во-вторых, для православных от рождения или принявших православие до 1 января 1914 года, то есть до того года, среди которого началась нынешняя война. Для этих лиц льгота допущена оттого, что немец, принявший православие, в сущности уже не настоящий немец. Если он принял православную веру, то, очевидно, для того, чтобы не отличаться от русских. Никакой выгоды он при этом для себя получить не мог. Другое дело с наступлением нынешней войны — тут уже многие немцы рады были бы перейти в какую угодно веру, лишь бы обмануть русскую власть и заставить ее поверить, что они безобидные люди и трогать их совершенно нечего. Но поэтому именно закон и допустил льготу только для тех, которые приняли православие по крайней мере за полгода до войны и, значит, без расчета при этом на будущие земные блага.

Наконец, третья льгота допущена для дедов, отцов, сыновей, внуков и вдов тех немецких колонистов, которые либо по собственной охоте приняли участие в нынешней войне, либо получили в ней боевые награды, либо ранены или убиты в боях с неприятелем. Следовательно, сюда относятся: вольноопределяющиеся, охотники и добровольцы; офицеры армии и флота (так как они ведь пошли на военную службу по собственной охоте), награжденные георгиевскими крестами и георгиевскими медалями, и т. д.

Владения всех тех лиц, для которых законом допущены исключения и льготы, сохраняются в полной неприкосновенности. Но если кто-либо из них владеет землею в общей доле с другими немцами, которым никакой льготы не предоставлено (например, находясь в составе сельского общества немецкой колонии), и если его доли выделить невозможно, то она должна быть продана вместе с прочими.

После того, как списки колонистских земель в каждой губернии составлены и вывешены для всеобщего сведения, всем владельцам помещенных в эти списки имуществ дается десятимесячный срок продать их по своей доброй воле кому угодно, но только, конечно, не друг другу и не немцам же, которым тот же закон теперь воспрещает покупать земельные имущества где бы то ни было по всей Российской Империи. Они могут покупать только дома в городах, да и при том условии, если числятся русскими подданными.

Затем, если бы кто из немцев, которым предписано таким образом продавать свои имущества, не успел или не пожелал этого сделать к назначенному сроку, то земля его должна быть продана с публичного торга.

На этом бы дело и заканчивалось, если бы немцы не были так хитры и не держались бы так упорно за свои земли.

Как только немецкие имущества попали в списки назначаемых к продаже, колонисты стали думать о том, как бы им обойти закон: по бумагам землю продать, а на самом деле оставить ее за собою. И вот появились сначала подставные покупатели немецких имуществ, а потом подставные ее заклады, при которых выходило, что на земле больше долгу, чем она стоит. Но вместе с этим появились также и настоящие скупщики немецкой земли, которые рассчитывали купить ее оптом дешево, а затем в розницу распродавать крестьянам по дорогой цене.

Все это было ненужно, или прямо вредно для дела. Обходов закона правительство решило не допускать. Но и скупка немецкой земли ради перепродажи также не могла быть допущена потому что земля существует для обработки, а не для торговли ею на подобие рыночного товара. И вот, у правительства явилась мысль самому выкупить землю немецких колонистов с тем,

чтобы после этого, без всякого конечно барыша, перепродать ее при помощи Крестьянского банка нашим воинам, доблестно сражавшимся за отечество. Так поступить было бы и в самом деле более всего справедливо. Земля перешла бы при этом от тех владельцев, которые заподозрены в сочувствии врагам государства, к его защитникам от вражеского нападения. Можно было бы этим путем лучше всего вознаградить выслужившихся на войне своими подвигами офицеров, унтер-офицеров, георгиевских кавалеров и просто увечных солдат, которые, купив от Крестьянского банка на льготных условиях бывшую немецкую землю, имели бы на старости лет заслуженный ими кусок хлеба.

Таким образом и решено было поручить скупку всех колонистских земель Крестьянскому банку. А для этого изданы следующие правила.

Немцам по-прежнему оставлен срок для добровольной продажи кому угодно их земель. Но ни одна продажа не может состояться до тех пор, пока на нее не согласится Крестьянский банк. Между тем, этому банку предоставляется в свою очередь устранить покупателя и самому купить землю по той цене, какая обозначена в продажной записи.

Конечно, одного этого правила было бы мало. Пользуясь им, немцы могли бы еще обмануть Крестьянский банк, назначая в продажной записи такую высокую цену на землю, которой бы им на самом деле никто никогда не дал. Банку оставалось бы при этом одно из двух: либо переплачивать немцам, либо совсем отказаться от покупки. Для того, чтобы не было ни того ни другого, закон и установил еще следующие правила. Когда Крестьянский банк найдет, что в продажной записи на немецкую землю обозначена цена явно и непомерно высокая, то он сам назначает цену этой земли и покупает ее по собственной оценке. Если же немец такой оценкой недоволен, то может жаловаться в Правительствующий Сенат.

То же самое будет происходить и при публичных торгах на имущества колонистов. Ведь они все-таки могут до самого назначенного срока никому своей земли не продавать и пустить ее на торги. И здесь купчая не будет утверждена до тех пор, пока на нее не согласится Крестьянский поземельный банк. И здесь банку предоставляется самому купить землю по наивысшей цене, которая будет предложена на торгах. Наконец, и здесь банк может найти эту цену слишком высокой и произвести собственную оценку, по которой затем и приобрести землю от немецкого колониста.

Ясно, что при таких правилах никакие обходы закона не будут уже возможны для немцев. Так или иначе, а земли их все-таки попадут в руки Крестьянского поземельного банка.

Остается еще только один вопрос: как будет расплачиваться с немцами Крестьянский банк?

Конечно, проще всего было бы заплатить деньги и раз навсегда покончить с ними счета. Однако, это было бы не так уж хорошо. Прежде всего, получив наличные, немцы переселились бы в города и стали бы скупать там дома, лавки, товары и заводить свои торговые и промышленные предприятия. Для нас это было бы крайне вредно. Не затем освобождается от колонистов русская деревня, чтобы они засели в русских городах. Кроме того, чтобы расплатиться сразу за всю их землю потребовалось бы слишком много денег, которых у нас сейчас нет, ибо каждая свободная копейка должна идти на военные нужды.

Чтобы не давать, поэтому, сразу много денег, Крестьянский банк будет выдавать немцам бумажные обязательства уплатить покупную сумму полностью через двадцать пять лет со дня покупки. На каждом обязательстве будет написано имя того бывшего владельца земли, которому оно выдано, и этот владелец будет не вправе передавать его кому-либо другому или, вообще, расплачиваться им, как закладными банковскими листами или бумажными деньгами. От него

обязательство может перейти только к его наследникам, после его смерти. Таким образом, ни один немецкий колонист и не получит за свою землю сразу наличных денег, но увидит их только через двадцать пять лет после того, как земля будет от него выкуплена Крестьянским банком. А до тех пор он будет получать из банка по 4 руб. 50 коп. в год на каждые 100 руб. покупной цены земли, откуда еще будут вычтены все лежавшие на земле долги по закладным и иным обязательствам.

Сколько именно удастся купить в конце концов Крестьянскому банку, пока еще предвидеть довольно трудно. Об этом узнают пожалуй, только к середине лета 1916 года. Но уже и сейчас известно, что разговор пойдет не о тысячах, и даже не о десятках и сотнях тысяч, но о целых миллионах десятин прекрасной пахотной земли.

Сельский вестник, № 94 от 1 мая 1916 г.
Бесплатное приложение к газете, лист I-IV.